

Жарко Сергей Борисович, Дубонос Игорь Игоревич
Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВСТУПЛЕНИЕ США В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Первая мировая война стала, пожалуй, самым значительным событием XX в. Полностью видоизменив геополитический ландшафт Европы и по большому счету всего мира, уничтожив Российскую и Австро-Венгерскую империи и унизив и ограбив Германию, Версальский мир заложил основы для второй войны за мировую гегемонию. Прав был Ф. Фош, который называл это соглашение «перемирием на двадцать лет». Поскольку весь современный миропорядок базируется на осколках ялтинско-потсдамской системы международных отношений, которая стала результатом Второй мировой войны, можно сказать, что поскольку Первая мировая война определила Вторую, то она определила и всю современную мировую политику.

В этой связи следует признать, что в русскоязычной историографии Первой мировой войне уделено значительно меньше внимания, чем она того заслуживает. Это связано как со значительно большим значением для России (и всего бывшего СССР) Второй мировой войны, так и с продолжающимися довлеть над учеными идеологическими штампами советской эпохи, которые предлагают упрощенную трактовку Первой мировой войны как результата непреодолимых противоречий между империалистическими державами, которые вылились в войну за передел уже поделенного мира (в полном соответствии с точкой зрения, изложенной В.И. Лениным в его работе «Империализм как высшая стадия капитализма»). Эта точка зрения на причины Первой мировой войны сохраняет актуальность, будучи, в частности, изложенной в работе современного российского историка, доктора исторических наук Б.М. Туполева «Происхождение Первой мировой войны» [1, 2].

Нельзя сказать, что в русскоязычном научном сообществе нет понимания необходимости углубления исследований Первой мировой войны. В частности, Б.Д. Козенко в своей статье «Отечественная историография Первой мировой войны» [3] отмечал рост внимания к Первой мировой войне со стороны русскоязычных исследователей на рубеже веков [3, с. 3], равно как и их попытки «вырваться» из оков ленинской концепции «империалистической войны» [3, с. 22—25], но

при этом указывает, что большинство исследователей хотя бы частично принимают ленинский тезис о детерминированности Первой мировой войны объективными законами общественного развития.

При этом внимание исследователей концентрируется на европейских проблемах. Видя завязку войны в Европе, они ищут там же и ее развязку. Великобритания, Франция, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Италия — эти страны понимаются как главные действующие лица войны, от решений правительств которых зависел итог конфликта. Соединенные Штаты Америки оказываются вне поля зрения русскоязычных исследователей. Так, М.Г. Носов в своей статье «США и Япония в контексте Первой мировой войны» [4] практически не уделяет внимания политике США в отношении европейских держав в годы войны, указывая лишь, что *«до 1917 г. США придерживались нейтралитета в Первой мировой войне, хотя и оказывали странам Антанты моральную и материальную помощь. Затяжная война в Европе вызвала у администрации США опасения относительно будущего союзников и тех средств, которые были в нее вложены. Расчеты Вильсона на то, что США смогут оставаться в роли мирового арбитра и миротворца, не оправдались»* [4, с. 85]. В этой цитате наиболее важны два момента. Первый — США были пассивны в отношении воюющих стран. Второй — США изначально делали ставку на попытку играть роль миротворца, не становясь деятельным союзником ни одной из сторон конфликта.

Такая оценка позиции США по отношению к европейскому конфликту как «третьего радующегося» типична. Но вместе с тем в современной историографии возникла проблема переосмысления роли США в Первой мировой войне и в том числе причин, по которым США вступили в войну, во-первых, на стороне Антанты, а во-вторых, лишь в 1917 г. Действительно, если считать, что вступление США в войну в 1917 г. было вызвано лишь стремлением поддержать Антанту в сложных для нее условиях, когда возникла опасность крупных побед германского блока на Западном и Восточном фронтах, то возникает резонный вопрос: почему эта поддержка не была оказана в 1915 и 1916 гг. в не менее (возможно, и более) сложных для стран Антанты условиях?

На этот вопрос пытается дать ответ американский исследователь Г. Джексон в своей работе «Переосмысление тезиса о игре на противоречиях: реализм, баланс сил в Европе и решение Америки о вступлении в войну в 1917 г.» [5]. Он приходит к выводу, что США вступили в войну не потому, что Антанта находилась на грани поражения, но потому, что, *«[во-первых] Германия приняла политику неограниченной подводной войны и [во-вторых] Вильсон желал получить место для США на*

послевоенной мирной конференции, чтобы получить возможность диктовать структуру [послевоенных] международных отношений» [5, р. 486]. При этом именно начало неограниченной подводной войны он видит в качестве решающего фактора, повлекшего за собой вступление США в мировую войну — желание администрации В. Вильсона понимается как вторичный фактор, который не повлек бы за собой вступление США в войну в отсутствие неограниченной подводной войны со стороны Германии [5, р. 486—487].

Почему же неограниченная подводная война имела столь большое значение для Вашингтона? Здесь следует обратиться к общему направлению развития отношений США и Германии в предшествовавший Первой мировой войне период. Следует вспомнить, что именно Германия стала главным конкурентом североамериканскому капиталу в борьбе за рынки Латинской Америки. Если британские и французские капиталовложения прирастали сравнительно медленными темпами и накапливались в традиционных отраслях, то американские и немецкие — взрывными и канализировались в новые отрасли (к примеру, нефтедобычу). В результате к началу Первой мировой войны Германия быстро наращивала свое экономическое влияние в Латинской Америке, что вызывало недовольство и противодействие США [6, р. 107]. Нельзя забывать, что германская дипломатия со свойственным ей изяществом не только не сглаживала возникавшие экономические противоречия, но и добавляла к ним противоречия в политической сфере. Так, Берлин стал инициатором нарушения доктрины Монро во время так называемого «Венесуэльского кризиса 1902—1903 гг.», когда впервые с момента французской интервенции в Мексику на территорию независимого латиноамериканского государства были введены войска европейских держав [7, с. 407]. Этот кризис вызвал резкое охлаждение отношений между двумя странами.

В целом отношения между двумя странами в предвоенный период накалялись. Это было вызвано конкуренцией на общих внешних рынках — в Латинской Америке, Китае, Османской империи. Не имея колоний и имея мощную промышленность, Германия и США к началу XX в. исчерпали возможности внутреннего рынка и стали на путь экономической экспансии в еще не разделенные части мира; места там для двух держав не хватало, остаться могла только одна. Это понимали и в Вашингтоне, и в Берлине. Но выводы были сделаны различные. Германские руководители решили исправить положение с нехваткой рынков за счет отторжения колоний у Франции и Великобритании, а также части территории России — это стремление привело к Первой

мировой войне. Американское руководство стремилось сделать своей вотчиной Китай и Латинскую Америку, а уже затем, с опорой на них, бросить вызов Соединенному Королевству и Франции. И поэтому на предвоенном этапе своим главным конкурентом Вашингтон видел не Лондон и Париж, но Берлин, который, готовясь к войне за передел уже поделенного мира, не оставлял попыток закрепиться в «неподеленной» части Земли.

Почему же тогда США не встали на сторону Антанты до 1917 г.? Почему не присоединились к войне в 1914, 1915, 1916 гг.? Можно выделить две причины. Первая носит внешнеполитический характер — это желание США как можно сильнее ослабить всех своих европейских конкурентов и нажиться на военных заказах. Вторая причина относится к области внутренней политики, и, по нашему мнению, именно она определила пассивность внешней политики США в 1914—1916 гг.

Дело в том, что США — государство эмигрантов. И жители Германии исторически составляли основную массу эмигрантов в США. Так, данные американской переписи населения 2000 г. показывают, что даже сейчас, после демографических изменений второй половины XX в. и падения, если так можно выразиться, «популярности» Германии в США по результату Второй мировой войны, к немецкому наследию (англ. *German ancestry*) себя причисляет 15,2 % граждан страны — это больше, чем к любой иной культурно-этнической группе [8, р. 6]. Если добавить к ним тех, кто причисляет себя к американскому наследию, поскольку вполне резонно предположить, что в «американцы» записались те потомки немцев, которые «стесняются» своего происхождения, то в 2000 г. представители этих двух групп суммарно составляли 22,4 % [8, р. 6]. В 1990 г. картина еще более показательна — к немецкому наследию себя причисляли 23,3 % жителей США, а к американскому — еще 5 % [8, р. 4]. Более того, в исторически наиболее значимых промышленных штатах — Пенсильвании, Мичигане и Огайо даже в 2000 г. представители немецкого наследия составляли более 25 % от всего населения [8, р. 6].

В начале XX в. доля принадлежащих к немецкому наследию граждан США была несомненно еще больше. И безусловно они испытывали ностальгические чувства к своей родине. Эти соображения подтверждает исследование «Американская пресса, публика и реакция на начало Первой мировой войны» П.П. О'Брайана [9], который указывает, что после начала войны «пресса Среднего Запада, где проживало наибольшее количество американских немцев, тоже критиковала Австро-Венгрию, но одновременно изо всех сил старалась не показать Гер-

манию в негативном свете» [9, р. 467]. Патриотизм американских немцев был недостаточно силен, чтобы втянуть США в войну на стороне кайзеровской Германии, но достаточен, чтобы похоронить любого политика, который попытался бы вступить в войну на стороне Антанты.

Таким образом, несмотря на желание правящих кругов США вступить в войну и уничтожить своего сильнейшего конкурента в Латинской Америке и Китае, у них не было никакой возможности это сделать. Как бы не был популярен В. Вильсон, даже он не мог пойти против желаний столь обширной части электората. Поэтому США оставались «невоюющим союзником» Антанты, обеспечивая, к примеру, более 80 % потребностей стран Антанты в нефти и нефтепродуктах [10, р. 25]. Лишь неосторожные действия германской дипломатии позволили Вашингтону вступить в войну. Если бы не было неограниченной подводной войны и телеграммы Циммермана (которая в итоге оказалась подлинной [11], что заставляет задуматься об «уровне» германского дипломатического ведомства в годы войны и его понимании реальности), то, вероятно, Соединенные Штаты так бы и остались нейтральными в этом конфликте. Ведь даже вступив в войну, США не присоединились к Антанте — они выступили против Германии «сами по себе», преследуя целью защиту только своих интересов. Специальная миссия французского правительства, направленная от лица всех стран Антанты (известная как «миссия Вивиани-Жоффра» (англ. *Viviani-Joffre Mission*)) не смогла добиться налаживания тесных политических связей между США и остальными странами антигерманского блока [12, р. 655].

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы. Политика США в годы Первой мировой войны не являлась политикой балансирования между воюющими сторонами, наоборот, американское руководство изначально поддержало Антанту из соображений геополитического характера. Отказ от вступления в войну был вызван соображениями внутривнутриполитического (значительная часть избирателей-немцев, лояльно настроенных к своей (пра)родине) и внешнеполитического (желание нажиться на военных заказах и истощить экономики стран Антанты и Центральных держав затяжной войной), но как только в результате ошибок германской дипломатии общественное мнение в США допустило войну с Германией, она была объявлена. При этом, даже вступив в войну, США отказались присоединиться к Антанте, воюя де-юре «сами по себе», что было во многом вызвано неоднозначным отношением к антигерманскому блоку среди американцев немецкого происхождения.

Библиографический список

1. Туполев, Б.М. Происхождение Первой мировой войны / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. — 2002. — № 7. — С. 27—46.
2. Туполев, Б.М. Происхождение Первой мировой войны. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. — 2002. — № 9. — С. 19—62.
3. Козенко, Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны / Б.Д. Козенко // Новая и новейшая история. — 2001. — № 1. — С. 3—27.
4. Носов, М.Г. США и Япония в контексте Первой мировой войны / М.Г. Носов // США — Канада. Политика, экономика, культура. — 2012. — № 4. — С. 75—94.
5. Jackson, G. The Offshore Balancing Thesis Reconsidered: Realism, the Balance of Power in Europe, and America's Decision for War in 1917 / G. Jackson // Security Studies. — 2012. — Vol. 21, № 3. — P. 455—489.
6. Latin America and the Caribbean: A Systematic and Regional Survey / [ed. by] V.W. Blouet, O.M. Blouet. — [S. l.]: John Wiley & Sons, 2009. — 481 p.
7. Николаев, П.И. Венесуэльский конфликт 1902—1903 гг. / П.И. Николаев // Латинская Америка: энцикл. слов.: в 2 т. — М., 1982. — Т. 2. — С. 407.
8. Ancestry: 2000 / ed. U. S. Census Bureau. — Washington, D. C.: U. S. Department of Commerce editions, 2004. — 10 p.
9. O'Brien, P.P. The American Press, Public and the Reaction to the Outbreak of the First World War / P.P. O'Brien // Diplomatic History. — 2013. — Vol. 37, № 3. — P. 446—475.
10. Painter, D.S. Oil and the American Century / D.S. Painter // J. of American History. — 2012. — Vol. 99, № 1. — P. 24—39.
11. Felton, B. Telegram that brought US into Great War is found found / B. Felton // The Telegraph [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1500812/Telegram-that-brought-US-into-Great-War-is-found-found.html/>. — Date of access: 14.10.2014.
12. Greenhalgh, E. The Viviani-Joffre Mission to the United States, April-May 1917: A Reassessment / E. Greenhalgh // French Historical Studies. — 2012. — Vol. 35, № 4. — P. 627—659.